

Глава 7. Малый народ

«Мужайтесь!
Заграница нам поможет»

Остап Бендер

Итак, планы глобалистов по результатам 2-ой мировой войны осуществились не до конца. Растерзанная и запуганная Западная Европа и оккупированная Япония безропотно приняли план Маршалла, единые либеральные ценности и Бреттон Вудскую систему, определившую мировую гегемонию американского доллара. Однако Советская Россия, которая по плану должна была погибнуть в этой мировой бойне вместе с нацистской Германией, не только выжила, но и подчинила себе всю Восточную Европу. А позднее, после крушения Британской Империи, включила в свою орбиту значительную часть освободившихся от колониального ига стран третьего мира, которые по планам глобалистов должны были стать их послушными сателлитами. Поэтому сразу после окончания войны фултонской речью Черчилля вчерашние «союзники» объявили крестовый поход против коммунизма, начав «холодную войну» на уничтожение.

Вместе с надеждами глобалистов рухнули и мечты наших добрых интеллигентов, так жаждавших разгрома немцами коммунистического режима и прихода американских освободителей. Но после начала «холодной войны», находившиеся в глубоком «подполье» истинные интеллигенты вновь воспряли духом, хотя и приготовились к тому, что процесс ликвидации коммунистического режима будет достаточно затяжным.

Трудно сказать, смогла бы мировая закулиса в обозримом будущем добиться успехов в «благородном» деле уничтожения СССР, но после смерти Сталина, ставший новым вождем Никита Хрущев, сам того не желая, нанес коммунистической антисистеме два смертельных удара, после которых ее гибель стала только вопросом времени. Первым ударом стало разоблачение в 1956 году культа личности Сталина и преступлений его режима. Вторым –

принятие в 1960 году 20-ти летнего плана построения коммунизма. Этими действиями Хрущев невольно разоблачил ложь, на которой держался коммунистический режим.

Первый удар уничтожил миф о великом вожде и великой партии большевиков. Жалкая попытка противопоставить злодею Сталину великого гуманиста Ленина, имевшая некоторый успех в 60-х годах, в конечном счете, результатов не дала. И это несмотря на колоссальные пропагандистские усилия, в которых был задействована вся интеллектуальная элита. Разоблачение ужасов культа также нанесло непоправимый удар и по тогда еще сильному коммунистическому движению Западной Европы. После этого коммунистические партии в этих странах практически сошли на нет, лишив Советский Союз мощной поддержки в самом высокоразвитом регионе мира.

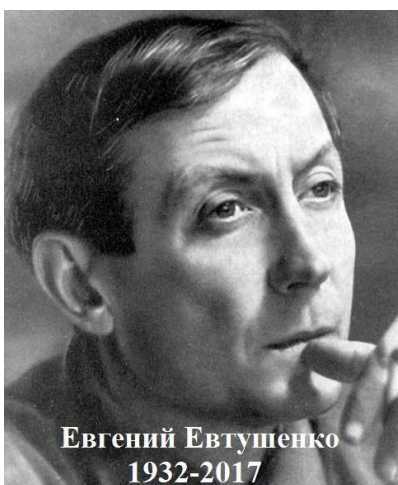
А второй удар к концу 70-х годов окончательно развеял миф о возможности построения коммунизма. После 1980 года в его возможность верили только октябрята и пионеры, да еще некоторые самые наивные комсомольцы.

После разоблачения культа начался так называемый период «оттепели». Для интеллигенции он был отмечен, прежде всего, некоторой либерализацией общественной жизни и ослаблением цензуры. И самое главное, она сопровождалась массовой реабилитацией жертв сталинских репрессий, хотя «раскулаченных» реабилитация не коснулась. Интеллигенты опять вылезли из своих норок погреться на политическом солнышке. На пике «оттепели» вышел в свет «Один день Ивана Денисовича», автор которого тут же был с энтузиазмом принят в эту беспокойную социальную группу.

Интеллектуальная элита разделилась на три части. На безыдейных карьеристов, не верящих уже ни во что и заботящихся только о собственном благе. Постепенно, они начали играть все большую роль и в партийной номенклатуре. Сторонников социализма с «человеческим лицом», стоящих на национально-патриотических позициях и поддерживающих миф о великом «гуманисте» Ленине, светлые идеи которого извратил злодей Сталин. И собственно настоящих интеллигентов-западников, которые стали основой для

диссидентского, а затем и антисоветского движения. Причем состав этих частей был крайне неустойчив и в них наблюдались постоянные перемещения.

В начальный период оттепели доминировали национал-большевики (словосочетание довольно дикое, так как настоящие большевики, истребленные Сталиным, были, прежде всего, интернационалистами), которых принято называть «шестидесятниками». Особенно ярко это течение проявило себя среди «лириков», дав целую плеяду замечательных поэтов и

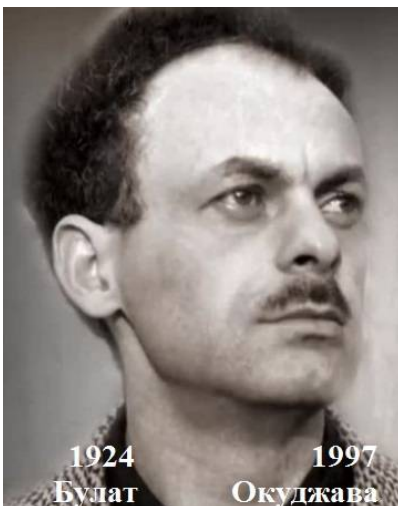

и бардов, таких как Роберт Рождественский, Евгений

Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Юрий Визбор и другие. Среди «физиков» выделялись писатели братья Стругацкие и Даниил Гранин. К ним примыкали писатели-фронтовики Виктор Некрасов, Василь Быков, Юрий Бондарев, Борис Васильев, ранний

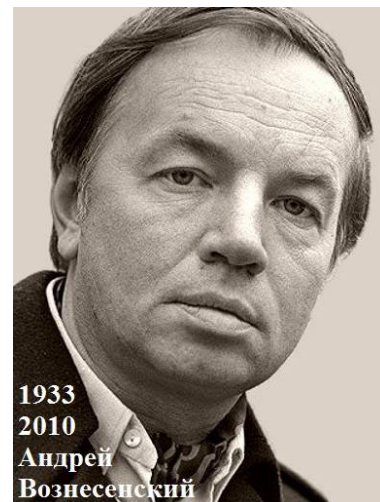
Солженицын, объединявшиеся вокруг журнала «Новый мир» Александра Твардовского.

Но оттепель продолжалась недолго, и после воцарения Леонида Брежнева постепенно наступила

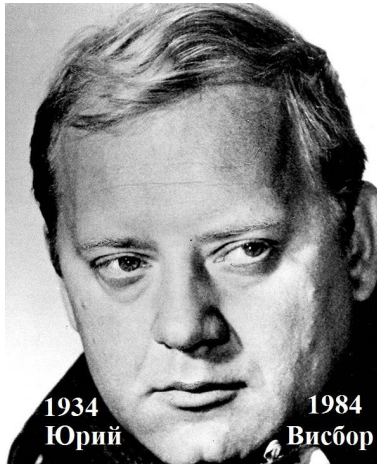

«эпоха застоя». Она сопровождалась стремительным распадом национал-большевизма. Значитель-

ная часть сторонников возрождения «светлых идей коммунизма» перешла в разряд безыдейных карьеристов. Другие, по большей части «лирики», дрейфовали в сторону формировавшегося движения интеллигентов-диссидентов. Небольшая часть,

в основном писатели-деревенщики, такие как Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, а также «физики» Игорь Шафаревич и Леонид Бородин постепенно переходили от ленинизма к почвенничеству и патриотизму. Многие «физики», то есть интеллектуалы-технари, после заката «оттепели» даже

создали устойчивую субкультуру «походников»-туристов, важнейшим атрибутом которой стала гитара и бардовская песня, а кумирами – Визбор и Владимир Высоцкий.

Автор этих строк, хотя по возрасту и не относится к шестидесятникам, и «оттепель» пришлось на пору его босоного детства, но все же коллизии шестидесятников пережил на собственном опыте. Лет до двадцати я был «верным ленинцем», свято верившим в неизбежное построение коммунизма и во всю эту муру о «самом человечном человеке», а также в возрождение его искаженных Сталиным идей. Но к середине 70-х годов даже такому наивному комсомольцу как я стало ясно, что коммунизм – это горизонт, к которому можно идти, но невозможно придти. После этого я приобрел гитару и прибил к субкультуре «походников», а потом и вовсе сделался безыдейным карьеристом и даже вступил в КПСС. К концу 80-х я уже был убежденным антикоммунистом и, стыдно признаться, вместе с интеллигенцией радостно скакал на обломках Великой Империи. Но уже вначале 90-х пришло отрезвление, а вместе с ним переход на патриотические и даже монархические позиции.

Возникшее после начала эпохи застоя диссидентское движение, поначалу было весьма разношерстным и объединялось только ненасильственными методами сопротивления существующему режиму. Здесь были и «истинные» коммунисты во главе с Роем Медведевым, боровшиеся с искажением марксистско-ленинских идей. И решительные патриоты-почвенники во главе с Шафаревичем и Бородиным, к которым примыкали писатели-деревенщики, такие как Белов и Распутин. Но преобладали все же либералы-западники, пе-

редовой отряд вышедшей из «подполья» интеллигенции.

Благодаря наличию ядерного сдерживания, у «истинной» интеллигенции появилась историческая возможность бороться с коммунистической антисистемой, не опасаясь погубить страну. Первые диссиденты в основном создавали различные правозащитные организации и писали открытые письма в «защиту». Если бы интеллигенты в борьбе с коммунистической антисистемой объединились с почвенниками на национально-патриотической основе, то возможно у этого объединения были бы шансы постепенно сломать тоталитарный режим без больших издержек для страны. Но интеллигенция, как и всегда, стояла на западных позициях. На Запад она молилась и только на него надеялась. Поэтому представить ее союз с патриотами также невозможно, как когда-то союз западников и славянофилов.

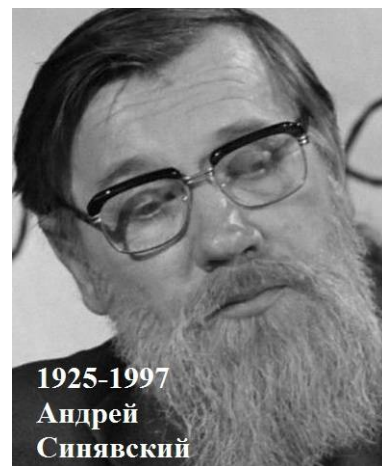
И после короткого периода оттепели, сопровождавшегося некоторым всплеском патриотизма, интеллигенция вернулась на прежние позиции – разрушения России как самостоятельной цивилизации и включение ее обломков в общеевропейскую семью. Поэтому практически все диссиденты-интеллигенты в своей борьбе с коммунистической антисистемой пошли на сотрудничество с силами, в задачи которых восстановление величия России, мягко говоря, не входило.

Диссидентское движение интеллигенции открылось в 1965 делом Андрея Синявского и Юлия

Даниэля, обвиненных в

распространении за границей порочащих строй произведений. Тогда впервые появилось открытое письмо в их защиту, среди подписантов которого мы видим вчерашних поклонников «комиссаров в пыльных шлемах» Окуджаву, Эренбурга, Паустовского, Михаила Шатрова, Вениамина Каверина, певца космонавтики Владимира Войновича и бывшего певца ста-

линских лагерей Шкловского, а также писателя-фронтовика Юрия Нагибина, поклонника американской демократии Чуковского и начинающего режиссера Андрея Тарковского.

Лидером диссидентов стал Владимир Буковский, обмененный впоследствии советским руководством на пламенного чилийского коммуниста Луиса Корвалана. Ему принадлежит вот такая «замечательная» фраза: «Я родился в самый разгар войны, когда миллионы людей убивали друг друга ради того, какие будут на свете лагеря: коричневые или красные». Основным каналом распространения идей диссидентов стал «самиздат» и «тамиздат».

Практически все интеллигенты-диссиденты, покинувшие страну, такие как Буковский, Войнович, Синявский, Александр Галич, Василий Аксенов, Людмила Алексеева, Владимир Максимов, Виктор Некрасов работали в пропагандистских структурах Запада, таких как Голос Америки, радио Свобода, Би-Би-Си и других. Буковский вместе с Максимовым организовали антикоммунистический «Интернационал со-

противления», финансируемый конгрессом США. Крупнейшим изданием «тамиздата» стал журнал Максимова «Континент».

противления», финансируемый конгрессом США. Крупнейшим изданием «тамиздата» стал журнал Максимова «Континент».

Но и те, кто оставался в СССР, также мечтали не только о падении советского режима, но и о распаде страны. Они тогда уже хорошо понимали, что милая их сердцу Западная Европа сможет поглотить это царство мракобесия только, если

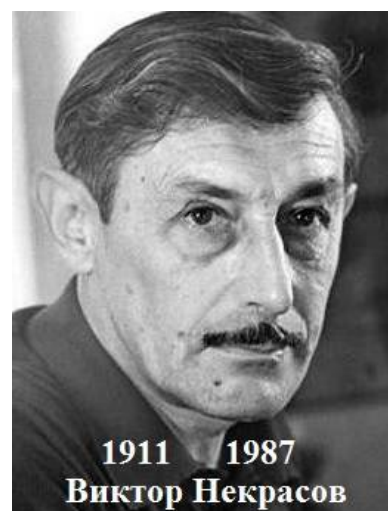
оно распадется на мелкие составляющие. И потому всячески поддерживали проявления сепаратизма национальных окраин СССР.

Несмотря на преследование властей, число диссидентов непрерывно росло. Всего между оттепелью и перестройкой по статьям, связанным с «распространением информации, порочащей советский строй», было осуждено 8145 диссидентов. Немало диссидентов прошло и через принудительное лечение в психиатрических больницах.

Среди оставшихся в СССР интеллигентов, наряду с антикоммунистическими, также преобладали русофобские настроения. Характерно высказывание Юрия Нагибина: «В этой стране я не хочу

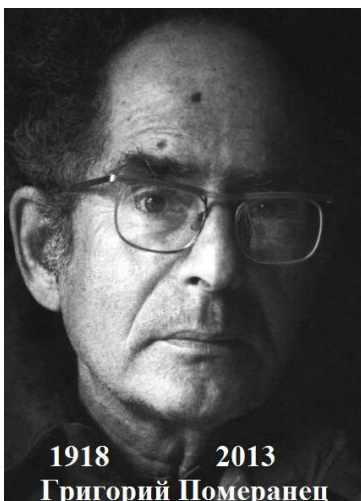
иметь детей». А фраза наиболее яркой представительницы диссидентского движения внутри СССР Валерии Новодворской: «Русская нация – раковая опухоль человечества», не оставляет сомнений в том, что западническая интеллигенция боролась не только с коммунистическим режимом. Лишившись наивных

иллюзий относительно того, что русский человек вдруг каким-то чудесным образом превратится в европейца, теперь они мечтали о ликвидации этого исторического недоразумения, каковым им представлялся русский народ.

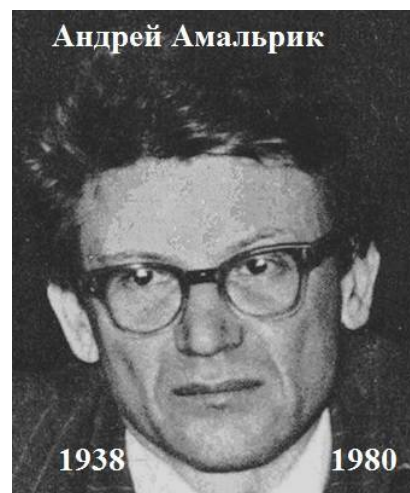
Академик Шафаревич в 1982 году в своей работе «Русофобия» одним из первых обратил внимание на эту новую тенденцию, захватившую умы за-

паднической интеллигенции. Начало формирования этой новой философии относится к концу 60-х годов. Первым русофобским произведением этого периода стало опубликованное в «самиздате» эссе «Квадрильон» философа-востоковеда Григорий Померанца. Главная мысль этой работы – русского народа больше нет. Он распался и атомизировался. В этом этническом хаосе Померанец обнаруживает следующие «замечательные» типы: рыла (основная масса); гады (партноменклатура); Смердяковы (партийные вожди); гомункулусы (безыдейные интеллектуалы) и, наконец, мужественная кучка, которая является зерном будущего, воссоздаваемого ею народа (та самая истинная интеллигенция).

Эти идеи были развиты в опубликованных в «тамиздате» работах таких интеллигентов-эмигрантов как публицист Андрей Амальрик, философ Борис Шрагин и историк Александр Янов. Подхвачены авторами, группировавшимися вокруг максимовского журнала «Континент». И постепенно выкристаллизовались основные русофобские идеи, вокруг которых произошло новое объединение «русской» интеллигенции, начавшей было растворяться в бескрайнем море советских интеллектуалов.

Шафаревич, изучив весь этот обширный материал, сформулировал основные положения интеллигентской русофобии. Итак, какие же черты, по мнению интеллигентов, характерны для этой массы, когда-то представлявшей русский народ. Прежде всего, это «рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и

преклонения перед властью». Отсюда следует «любовь к жестокой власти, тоска по Хозяину». Далее отмечается «враждебность ко всему чужеродному, склонность винить в своих бедах кого угодно... только не самих себя». Но «главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, — возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития — как проявление исконного русского мессианства». Эта попытка «смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества». Единственное спасение заключается «в осознании губельного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий».

Часть авторов пошла еще дальше, утверждая, что «для русских нет надежды на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь бытие вне истории, народ оказался мнимой величиной и ... Россия обречена на скорый распад и уничтожение».

По аналогии с современной концепцией украинского националиста Мосейчука в отношении Крыма, к началу 80-х годов в среде русской интеллигенции сложилось твердое убеждение: «Россия должна стать либо европейской, либо безлюдной!».

Конечно, наблюдая последствия выращивания нового советского человека, глядя на спивающийся пролетариат и умирающую русскую деревню, изнасилованную большевиками, совсем нетрудно разразиться хлесткими концепциями об исчезновении, атомизации и прочей дребедени. Но эти поверхностные наблюдения показывают абсолютное непонимание этнических процессов, отсутствие представлений о той колоссальной устойчивости и инстинкте самосохранения, которыми обладает любая этническая система. И даже мощнейшее воздействие на нее антисистемы, каковой являлась коммунистическая утопия, хотя и привело к многочисленным утратам, но не было способно полностью уничтожить этнос.

Не будучи знакомым с понятием социальной антисистемы, введенным несколько позже Львом Гумилевым, Шафаревич интуитивно формулирует то

же явление другими словами: «...четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу — если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами». Поэтому своей задачей он видит разоблачение этих схем, навязываемых народу и, прежде всего, его интеллектуальной части прозападной интеллигенцией или «малым народом» по Шафаревичу.

Правда, под «малым народом» Шафаревич понимал только еврейскую составляющую русской интеллигенции. Его рациональный ум математика не в силах предположить, что русская интеллектуальная элита может так относиться к собственному народу. На первый взгляд, перечисление наиболее известных диссидентских имен говорит в его пользу. Но все же такое утверждение слишком поверхностно, хотя среди лидеров этого движения евреи, безусловно, преобладали. Также как когда-то они составляли абсолютное большинство среди руководителей лагерей ГУЛАГА. Да и если бы Булат Окуджава все же «пал на той гражданской», то «комиссары в пыльных шлемах, склонившиеся молча над ним» сплошь оказались бы евреями.

«Нация вечной эрекции» с конца XIX играла заметную роль во всех революционных и вообще в сколь-нибудь заметных процессах, происходивших в России и до и при и после большевиков. Но все же основную массу прозападнической интеллигенции составляли представители коренных народов России и, в первую очередь, русские. Да и среди перечисленных выше лидеров диссидентского движения Аксенов, Максимов, Алексеева опровергают утверждение Шафаревича, снижая ценность его работы, а самого автора подставляя под обвинение в антисемитизме. И все же, к середине 70-х годов, безусловно, именно евреи во многом определяли идеологию этой социальной группы, а в связи с ростом еврейской составляющей в этой среде и значительным числом интеллектуалов национальных окраин, с удовольствием воспринявших ее разрушительные идеи, русскую интеллигенцию точнее будет называть российской.

«Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего» - вот квинтэссенция идеологии этой социальной группы. Говоря об утверждении Янова о том, что «проблема гражданских прав в СССР более важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации», Шафаревич задается наивным вопросом: «Если эта точка зрения верна, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет?».

Но если русские – мнимая величина, не способная воспринимать передовые западные идеи, то как же тогда «избранные» смогут осуществить свою историческую миссию и, разрушив коммунистическую деспотию, приведут эту безликую массу в лоно европейской цивилизации?

Янов дает четкий ответ и на этот вопрос. Это противоречие может быть разрешено только с помощью оккупации, подобно тому, как Япония была оккупирована после войны Соединенными Штатами. Если удалось с Японией, то почему бы сим сострадательным способом не приобщить к европейской семье и Россию?

Поэтому все надежды интеллигенты теперь возлагали только на Запад. И тот действительно помогал, как мог, организуя вещание на СССР, финансируя издания диссидентов, организуя международные компании в «защиту» и т.д. Поэтому все интеллигенты, как оказавшиеся в царстве вождя свободы, так и стлавшие под гнетом тоталитарного режима, руководствовались изречением Остапа Бендера, вынесенным в эпиграф этой главы.

На начальной стадии диссидентского движения, наряду с «лириками», в нем участвовал большой отряд «физиков». В 1966 году, среди подписавших «письмо 25-ти» против возрождения сталинизма были такие выдающиеся ученые, как академики Игорь Тамм, Петр Капица, Михаил Леонтович, Андрей Сахаров, Андрей Колмогоров. К ним присоединились известные «лирики», писатели: Чуковский, Катаев, Паустовский, Эренбург, Сергей Смирнов, Владимир Дудинцев и Виктор Некрасов; режиссеры: Олег Ефремов, Георгий

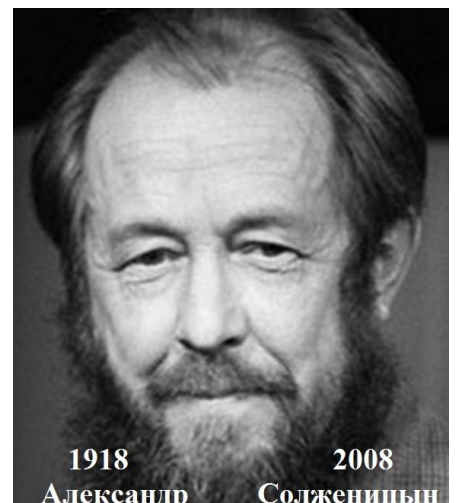
Товстоногов, Марлен Хуциев, Григорий Чухрай, Михаил Ромм; артисты: Иннокентий Смоктуновский, Игорь Ильинский и Майя Плисецкая.

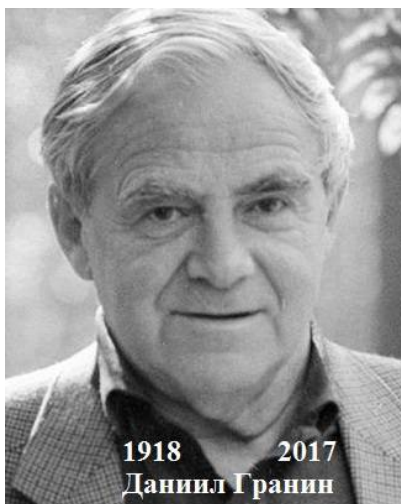
Но большинству ученых, за исключением Сахарова, идеи разрушения страны были не близки, и в дальнейшем они разошлись с диссидентским движением интеллигенции. То же можно сказать и о «лириках». Из всех них только Некрасов стал настоящим интеллигентом, работавшим в эмиграции на американское правительство на радио «Свобода».

Итак, для нового объединения в единую социальную группу разобщенных в сталинскую эпоху интеллигентов, как и прежде, нужно было общее дело, классическое противостояние «мы – они» и позитивный миф, подобно мифу о Грановском в начале «славного» пути русской интеллигенции.

Общее дело выкристаллизовалось достаточно быстро. Начав с борьбы с возрождением сталинизма, российская интеллигенция вскоре переключилась на противостояние коммунистическому тоталитаризму и, наконец, пришла к идее разрушения «Империи зла» и поддерживающего ее русского народа, мешающего вхождению в лоно европейской цивилизации. По мере изменения и расширения целей борьбы происходил естественный процесс отпадения случайных попутчиков, вроде подписантов вышеприведенного письма. Идеиное противостояние с ними также способствовало процессу самоидентификации интеллигенции.

Но вот с мифом вышла небольшая заминка. Нужен был не просто нестигаемый борец, но и человек, признанный западным общественным мнением. Выдвинутый было на роль великого мыслителя-гуманиста и борца за евроинтеграцию Солженицын надежд интеллигенции не оправдал. Обласканный Западом лауреат Нобелевской премии засел в тихом Вермонте и наотрез отказался поддержать разрушительные идеи диссидентов, постепенно дрейфуя в сторону почвенничества и такого страшного для любого истинного интеллигента понятия, как пат-

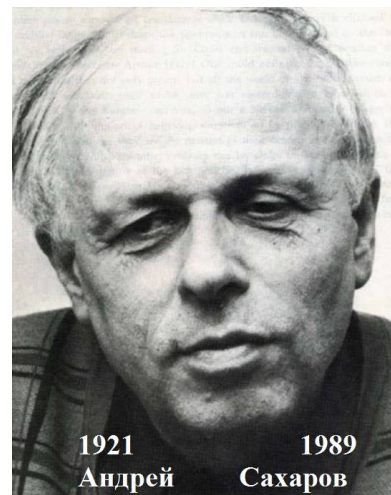

риотизм и православие. Певец технической интеллигенции Даниил Гранин, написавший несколько ярких произведений об ученых-творцах, мужественно противостоящих бюрократии, отметившись в гонениях на Иосифа Бродского, на роль несгибаемого борца явно не тянул, а диссиденты-эмигранты никому на Западе, кроме спецслужб, были не интересны.

И тут на счастье интеллигенции в 1968 году на политическую сцену вышел академик Сахаров, и она обрела, наконец, своего мифического супергероя, «гиганта политической мысли и отца русской демократии».

Миф – это не ложь, а некоторое преувеличение одних качеств и затушевывание других. Действительно академик Сахаров был и выдающимся ученым и несгибаемым борцом, но вот по поводу всего остального имеются большие вопросы.

«Отец» советской водородной бомбы, трижды герой социалистического труда, как и всякий истинный интеллигент, по состоянию здоровья не попал на фронт. Большую часть войны он провел в аспирантуре ФИАН у академика Тамма. А в 1948 году был включен в группу ученых ядерного проекта.

Некоторые не без ехидства указывают на то, что и в аспирантуру он был принят по просьбе отца, что правда. И что основные идеи были «заимствованы» у американцев и некоего молодого научного сотрудника, которого забыли упомянуть при награждении. И что водородную бомбу создавал большой коллектив выдающихся физиков, и потому приписывать «отцовство» одному Сахарову несправедливо, что тоже правда. И что, начиная с 1953 года, когда прошло первое испытание водородной бомбы, звездопад наград и званий пролился на нашего борца, минуя остальных участников проекта по-

тому, что Сахаров, как писал академик Гинсбург, был единственным русским среди многочисленных евреев, и потому поднимался партийным руководством на щит.

Но при этом все, кто близко общался с Сахаровым по работе, будучи и сами блестящими учеными, в один голос подтверждали его выдающиеся способности. Хотя и отмечали невнятную манеру изложения, вызванную оригинальностью его мышления. Эта манера была настолько оригинальна, что ее не могли понять и выдающиеся академики, поставившие ему из-за этого низкую оценку на вступительном экзамене в аспирантуру, и коллеги по работе, и студенты, которым он недолго читал лекции, и которые потребовали сменить преподавателя, по их мнению, совершенно не знавшего предмет.

В начале своей карьеры Сахаров был вполне себе пламенным борцом с американским империализмом. Ходят легенды о том, что он предложил Берия «смыть американский империализм с лица земли», якобы рассчитав проект глубинной водородной бомбы, способной создать апокалиптическое цунами у берегов США. Хотя из воспоминаний академика следует, что он всего лишь высказывал мысль о создании суперторпеды с атомным двигателем, способной скрытно доставить его любимое детище к берегам врага.

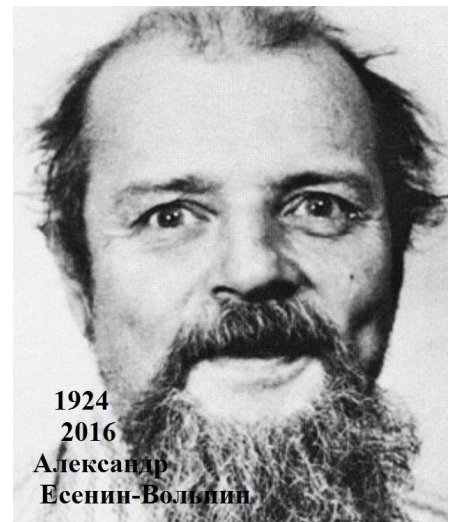
Но после трагического случая во время испытания в 1955 году второй водородной бомбы, приведшего к гибели людей, его мировоззрение резко изменилось. Пламенный борец с американским империализмом стал не менее пламенным борцом за запрещение испытаний ядерного оружия. Но это не помешало ему к 1961 году завершить разработку «кузькиной матери», самой мощной за всю историю термоядерной бомбы, которая была взорвана на Новой Земле. И одновременно, в том числе и благодаря его усилиям, в 1963 был подписан договор о запрете испытаний ядерного оружия в трех средах.

Таким образом, уже первые годы научной деятельности академика Сахарова продемонстрировали его главное качество – бескомпромиссность и несгибаемость. И при этом, полную общественно-политическую кашу в этой гениальной голове. Как отмечал Рой Медведев: «Он жил слишком долго в

каком-то предельно изолированном мире, где мало знали о событиях в стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали»

После успеха борьбы за запрет ядерных испытаний Сахаров, по видимому, обнаружил в себе призвание к общественно-политической деятельности. А начавшееся вскоре движение диссидентов и «подписантов» целиком захватило его увлекающуюся натуру. Успехи в науке породили в нем непоколебимую уверенность в своем глубоком понимании и общественно-политических и социально-экономических процессов.

Собственно такие ощущения свойственны многим ученым-«технарям». Одним из примеров может служить ваш покорный слуга. Особенно много таких среди математиков. Кроме уже упоминавшегося Шафаревича можно вспомнить сына великого русского поэта Александра Есенина-Вольпина, а также академика Анатолия Фоменко, автора «Новой хронологии», вызвавшей столько насмешек в научных кругах.

Но в большинстве случаев эти «научные откровения» совершенно безвредны, так как обычно редко выходят за пределы собственной кухни. Но с Сахаровым все было иначе. Его бескомпромиссная пассионарная натура требовала решительных действий. И в 1968 году он написал брошюрку «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой, по сути, изложил основные идеи теории конвергенции, основы которой сформулировал Питирим Сорокин еще в 1944 году и в дальнейшем развил Джон Гэлбрейт. Другим важнейшим посылом этого произведения являлась необходимость безграничной интеллектуальной свободы, жизненно важной для каждой советской доярки и механизатора.

Сейчас теория конвергенции вызывает только улыбку, но и тогда пик ее популярности на Западе уже прошел. В то время на подходе уже была тео-

рия постиндустриального общества Даниэла Белла, захватившая умы западных социологов в 70-е годы. И только для нашего академика конвергенция стала великим откровением. После скандальной публикации произошла первая встреча Сахарова с Солженицыным, на которой было зафиксировано принципиальное расхождение во взглядах потенциальных претендентов на роль сакрального вождя вновь формируемой «русской» интеллигенции.

Сама по себе эта наивная работа вряд ли бы повлияла на судьбу пламенного борца. Но он опубликовал ее не в каком-то там «самиздате», а прямо в «Нью-Йорк Таймс», да еще и дал несколько интервью иностранным корреспондентам, нарушив все мыслимые и немыслимые запреты для носителя сверхсекретности. И потому, естественно, был немедленно отстранен от ядерного проекта. Но и это было не так страшно. Сахаров мог бы сосредоточиться на фундаментальных исследованиях в любимом ФИАНе. Но вскоре последовало обращение в западные СМИ с осуждением ввода войск в Чехословакию. После чего лишь огромными усилиями академика Тамма его удалось оформить на самую низкую из возможных для академика должность.

Брошюра не нашла поддержки в рядах вновь формирующейся российской интеллигенции. Какая конвергенция, если задача – разрушить ненавистную Империю, «полностью разровнять, вот просто разровнять Россию». Единственным последователем изложенных в ней «великих» идей можно считать кота Леопольда с его знаменитым: «Ребята! Давайте жить дружно!».

И все же эта публикация и последовавшее преследование властей сделали его известным на Западе, создали ему репутацию борца с тоталитаризмом и сделали потенциальным лидером диссидентского движения. Но чтобы окончательно сформировать мифический образ былинного богатыря-правозащитника, нужно было по возможности избавить академика от его конвергентских глупостей и направить на истинный путь.

Возможно, мечта интеллигентов заполучить столь яркого и неординарного вождя так бы и не осуществилась, но тут в жизни Сахарова случилось два роковых события. В 1969 году умерла его первая жена, Клавдия Вихи-

рева, а в 1970 он познакомился с Еленой Боннэр.

Не буду даже пытаться проанализировать, как ей это удалось, но Боннэр полностью подчинила академика своей воле. Доказательства этого утверждения мы приведем чуть позже, а пока констатируем, что действительно несгибаемый и решительный борец в личной жизни оказался заурядным подкаблучником.

В принципе, это свойство мужского характера достаточно широко распространено и для общества, как правило, не опасно. Но дело в том, что Сахаров женился не просто на женщине, а на «правозащитнике». И это обстоятельство уже имело серьезные общественно-политические последствия и решающее значение в его дальнейшей судьбе.

Елена Георгиевна сразу сообразила, что при правильной раскрутке Сахаров может стать «брендом», от которого можно получать хорошие дивиденды. Надо полагать, что с ее легкой руки он и стал называться на Западе «отцом водородной бомбы». Действительно, фраза «Отец русской водородной бомбы выступил с обращением...» звучала очень убедительно и поднимала новостной рейтинг.

«Люся¹ подсказывала мне многое, что я иначе не понял бы и не сделал. Она большой организатор, она мой мозговой центр» - вспоминал позже академик. И почти сразу после знакомства Сахаров создал вторую в СССР правозащитную организацию: «Комитет прав человека», к которой некоторое время примыкал Шафаревич, а также Есенин-Вольпин.

Первая же правозащитная организация «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» была создана в 1969 году. В ней начинали свою «карьеру» такие известные «правозащитники», как Сергей Ковалев, прикрывавший в 1995 году бандитов Дудаева в Чечне, и Мустафа Джемилев, в 2015 году организовавший экономическую и энергетическую блокаду Крыма.

¹ -настоящее имя Боннэр – Люсик.

«Люся подсказала» и теория конвергенции была отодвинута на второй план. Борьба за права человека теперь целиком поглотила внимание академика. И с этого момента вся деятельность Сахарова проходила под строгим контролем его «мозгового центра». Как пишут в апологетических биографиях Сахарова, «став соратником и верным другом мужа, Елена Григорьевна сосредоточила деятельность Андрея Дмитриевича на защите прав отдельных людей». Правда авторы скромно не указали, что этими отдельными людьми в первую очередь была семья Боннэр.

Уже в 1971 году, в записке в ЦК Сахаров выступил против использования карательной психиатрии, а также за право крымских татар на возвращение, за свободу религии, за немецкую и еврейскую эмиграции. И с этого момента борьба за права евреев на эмиграцию стало основным содержанием его правозащитной деятельности. В 1973 году он направил в конгресс США письмо в поддержку необходимости принятия знаменитой поправки Джексона-Вэника². А в 1974 году, во время визита президента Никсона в Москву, Сахаров провел первую голодовку в защиту свободной эмиграции.

В том же году Сахаров выступил с критикой письма Солженицына «Вождям Советского союза», обозначив принципиальные расхождения с автором по вопросу о «здоровой русской линии развития», наличие которой он отрицал. Но при этом не забыл назвать Солженицына «гигантом борьбы за человеческое достоинство». И после выхода в свет в 1975 году очередной брошюры Сахарова «О стране и мире», Солженицын, в точном соответствии с известной басней Крылова, используя свой авторитет на Западе, предложил выдвинуть опального академика на соискание Нобелевской премии мира.

В брошюрке Сахаров вновь вернулся к милой его сердцу конвергенции. Правда теперь, по-видимому, под влиянием «мозгового центра» она получилась у него какая-то односторонняя. Также там содержался целый фонтан идей о разоружении, демократизации, экономических и политических реформах и об ответственности СССР за все развязанные в тот период вой-

² - принята в 1974 году и направлена на ограничение торговли со странами, препятствующими эмиграции.

ны, включая вьетнамскую. Ну и, естественно, центральное положение о праве на свободную эмиграцию.

Содержание этой работы еще раз наглядно продемонстрировало, что, выражаясь строго научным языком Солоневича, академик «не смыслил в экономиче, политике и социологии ни уха ни рыла». Но это не помешало Нобелевскому комитету присвоить ему в том же году Премию мира, которую вместо «невъездного» Сахарова получила его «боевая подруга».

Близкий друг Сахарова академик Евгений Фейнберг как-то сказал ему: «Знаете, Андрей Дмитриевич, некоторые известные мне люди, преклоняющиеся и перед Вами, и перед Александром Исаевичем (Солженицыным), считают, что все же ни Вы, ни он не должны давать рекомендации по конкретным вопросам политики и экономики, поскольку вы не профессионалы в этих областях». На что Сахаров без тени смущения ответил: «Конечно, я не специалист, конечно, я совершаю ошибки, но что делать, если другие не смеют сказать ни слова?».

Обе вышеназванные правозащитные организации просуществовали недолго. И после арестов или отъезда за границу основных участников, распались. Группа Ковалева почти сразу, а комитет Сахарова протянул до середины 70-х годов. Но уже в 1976 году также известный физик Юрий Орлов создал «Московскую хельсинскую группу».

В 1975 году СССР подписал известное Хельсинское соглашение, содержащее пакет по правам человека, который в Союзе, естественно, выполнять не собирались. Западническая интеллигенция сразу смекнула, что у нее в связи с этим появляется отличный козырь. Основным направлением деятельности этой группы стало

требование выполнения этого пакета, и привлечение внимания западной общественности к его невыполнению. Среди членов Хельсинской группы были и наши старые знакомые: Амальрик, Алексеева и Боннэр. В этой же группе

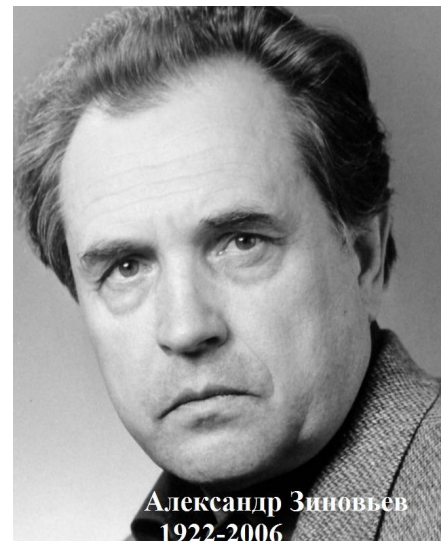
начинал свой политический путь и такой известный «правозащитник» и «демократ», как Звиад Гамсахурдия, в будущем ставший больше известным как специалист по этническим зачисткам.

Входил в эту группу и знаменитый опальный генерал Петр Григоренко, ранее за свою правозащитную деятельность подвергавшийся длительному принудительному содержанию в психиатрических больницах. Он стал одним из немногих эмигрантов-диссидентов, который в эмиграции повел себя достойно и в попытках разрушения своей Родины участвовать отказался. На предложение занять должность профессора в военной академии Вест-Пойнт он ответил: «Я благодарен этой стране, которая меня

приютила, в которой сделали мне операцию. Но земля России полита моей кровью, наши страны в состоянии противоборства, и я не могу свой военный опыт и знания передавать армии потенциального противника». Таким образом, несмотря на свою правозащитную деятельность и борьбу с тоталитаризмом, до уровня истинного интеллигента Григоренко так и не дорос.

В том же 1976 году с публикацией на Западе сатирического произведения «Зияющие вершины» возшла звезда философа-диссидента и писателя Александра Зиновьева. В 1978 году за границей были изданы романы «В преддверии рая» и «Светлое будущее». За эти публикации в 1978 году он был лишен всех званий, должностей и наград и выслан из страны. На Западе его произведения некоторое время пользовались

большой популярностью, и казалось, что у западной интеллигенции может появиться еще один признанный лидер. Но Зиновьев был ярко выраженным нонконформистом. Он одинаково презирал и коммунистов и либе-

ральных интеллигентов и критиковал Запад не меньше, чем Советский Союз.

В чем-то его жизненный путь, за исключением лагерного опыта, был схож с судьбой Солженицына. Оба были выходцами из крестьян и, на мой взгляд, именно это обстоятельство предопределило их сходную жизненную позицию. Оба ненавидели Сталина и его режим. Зиновьев в юности даже пытался организовать его убийство. Оба воевали, имели боевые награды. Оба не сошлись с либеральной интеллигенцией. Оба критически отнеслись к западной цивилизации. Оба отказались сотрудничать с западными спецслужбами и поддержать усилия интеллигентов-диссидентов по разрушению России.

Но и без их помощи интеллигенция продолжила свою деструктивную работу. Как мы помним, оправдание террористов является давней традицией русской интеллигенции. И когда в 1977 году группа армянских террористов организовала в Москве серию терактов, Сахаров, несмотря на многочисленные улики и экспертизы, выступил с обращением к мировой общественности: «Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов. Именно это ощущение и связанные с ним опасения, что эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны, явились побудительной причиной для написания этой статьи». Безусловно, и здесь не обошлось без участия «мозгового центра». Будучи армянкой по отцу «Люся подсказала то, что иначе он не понял бы».

Переведя немалые деньги Сахарова на американские счета, Боннер завершила операцию по обеспечению безбедного существования своей семьи на Западе. Осталось только переправить туда своих детей. Но это уже было делом техники. Была организована компания в защиту «детей Сахарова», преследуемых за убеждения «отца», и к 1978 году и сын и дочь Боннэр оказались в США, получив в свое распоряжение деньги «великого правозащитника».

Сам же академик, несмотря на свои многочисленные демарши, продолжал оставаться сотрудником ФИАНа, хотя времени на научную работу у

него оставалось все меньше. Но после его решительного выступления против ввода войск в Афганистан, терпение партийных вождей лопнуло. Сахаров был лишен всех званий и наград и был выслан в закрытый город Горький. Но даже при этом звание академика и должность ему были сохранены.

Как вспоминал Сергей Капица, незадолго до этих событий его отец пригласил чету Сахаровых на ужин. Когда ужин подходил к концу, Петр Капица попросил Сахарова пройти в кабинет для беседы. И тут Боннэр резко отрезала: «Андрей Дмитриевич будет говорить только в моем присутствии!». Повисла неловкая пауза, после чего старший Капица сухо сказал сыну: «Сергей, проводи гостей», но сам попрощаться не вышел.

Этот эпизод наглядно демонстрирует степень самостоятельности «великого борца с тоталитаризмом». В период горьковской ссылки Сахаров держал три смертельных голодовки, в результате которых его здоровье было серьезно подорвано. Это вам не пиар-голодовки Надежды Савченко, здесь жизнь академика буквально висела на волоске. Но ради чего он рисковал жизнью? Может быть ради спасения очередного узника совести? Или может быть ради возвращения домой солдат из Афганистана? Ничуть не бывало! Своей первой голодовкой в 1981 году академик вступил в смертельную схватку с тоталитарным режимом за право на выезд в США невесты сына Боннэр, которую тот в попытках «забыл» взять с собой.

Голодовка не произвела на власти должного впечатления и Сахаров оказался на грани смерти. Тогда академик Капица написал Брежневу письмо, в котором говорилось: «Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются. Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он великий ученый нашей страны». Не знаю, то ли это письмо, то ли личный визит к Брежневу Президента Академии Бориса Александрова, то ли вой прогрессивной западной общественности, но невесту отпустили за бугор и академик был спасен.

Интеллигенция очень умилялась самоотверженному стремлению «узника совести» соединить любящие сердца. И восхищалась заботливым «от-

цом», борющимся за счастье «детей». Но вот собственного 15-ти летнего сына Дмитрия, после женитьбы на Боннэр, Сахаров оставил на попечение старшей сестры. Хотя и помогал материально, но только до его совершеннолетия, ежемесячно выплачивая достаточно значительную по тем временам сумму в 150 рублей. При этом, по настоянию супруги, отправлял деньги только почтовыми переводами, чтобы потом не было претензий. А затем предоставил им ту самую полную «интеллектуальную и материальную свободу», за которую всегда так ратовал.

Вообще, коллизия в семье Сахарова сильно напоминала сюжет знаменитой сказки про Золушку, ее доброго отца подкаблучника, злую мачеху и ее наглых и безмозглых дочерей. Только если добрая и безответная Золушка все-таки обрела свой хрустальный башмачок, то наш Золушок свою мечту о «сытой жизни в Америке», в которой он сам признался в одном из интервью, так и не осуществил. Мачеха а, следовательно, и отец высказались категорически против. Появление в США настоящего сына Сахарова было нежелательно для Боннэр, так как могло нанести ущерб брэнду «Дети Сахарова», под который проливался дождь пожертвований от различных фондов.

Сейчас уже маститый портретист, а в 1982 году начинающий художник Сергей Бочаров, вспоминая, что находясь под впечатлением от правозащитной деятельности академика, приехал в Горький, чтобы написать портрет великого мыслителя. «Мы с ним беседовали, и во время беседы, когда Сахаров шел в сторону патриотической любви к Родине, он тут же получал от Елены Боннэр по своей лысине оплеуху. И опять возвращался на демократический путь, и мы дальше продолжали разговор... Когда я увидел, что истинный герой – это Елена Боннер, я развернул холст и поверх Сахарова начал делать черной краской ее портрет. Боннер спросила: “Вы и меня пишете?”. Я говорю: “Нет, я пишу только вас, потому что писать такого “пенька” как Сахаров, который повторяет все ваши мысли – нет смысла. Я-то думал, что это его мысли, а оказалось, что ваши».

Летом 1984 года Сахаров провел вторую смертельную голодовку. Она

сопровождалась насильственной госпитализацией и мучительным кормлением, однако результатов не принесла. И ради чего академик опять поставил на карту свою жизнь? Он боролся за право своей любезной супруги на выезд за границу «для свидания с матерью, детьми и внуками и для лечения».

В апреле 1985 года началась последняя и самая тяжелая голодовка пламенного борца за счастье Боннэр, преследовавшая прежние цели. Такая формулировка целей голодовки удивила даже его преданного поклонника Фейнберга. В своих воспоминаниях он писал: «Все знали в то время: если ты провожаешь за границу даже близкого человека - это разлука навсегда. ... Поэтому такая мотивировка А. Д. многим была непонятна». Пытаясь отговорить Сахарова от этого самоубийственного шага, Фейнберг написал ему письмо, в котором говорилось: «Требование о разрешении Е. Г. лечиться за границей очень непопулярно. 270 миллионов людей лечатся в СССР, и такое требование в глазах многих очень недемократично, не вяжется с Вашим образом борца за справедливость и демократию». На что Сахаров, намекая на трагическую судьбу Михаила Фрунзе, ответил: «Требование дать Е. Г. лечиться за рубежом - не каприз, ее положение выделено из 270 млн. людей граждан СССР ненавистью к ней КГБ».

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но на счастье Сахарова, к власти пришел Михаил Горбачев со своей «перестройкой» и «гласностью». После того как Сахаров направил Горбачеву письмо с обещанием прекратить свои общественные выступления и полностью сосредоточиться на научной работе, Боннэр было предоставлено разрешение на выезд и голодовка была прекращена. Но здоровье Сахарова было окончательно подорвано. Поэтому эмоциональное заявление сына Сахарова: «Моего отца свела в могилу Елена Боннэр!», не так уж и беспочвенно.

Но, несмотря на всю разностороннюю помощь Запада и собственные усилия интеллигентов, их влияние на внутренние процессы было ничтожным. Нельзя же всерьез рассматривать подпольную революционную организацию, созданную среди своих однокурсников студенткой Новодворской, и

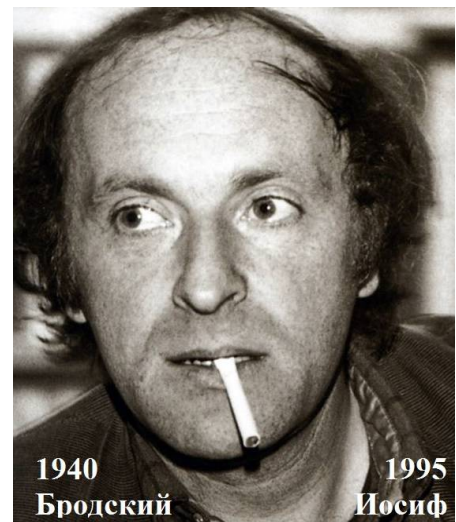
провозгласившей своей целью свержение коммунистического режима. Как отмечал Шрагин: «Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

Тем не менее, в процессе этой борьбы российская интеллигенция, атомизированная было в период сталинских репрессий, вновь сумела объединиться в устойчивую социальную группу, резко выделяющуюся из интеллектуального слоя, разросшегося за десятилетия успехов советской высшей школы.

Основные признаки этой социальной группы оставались прежними. Это: негативное мироощущение, антисистемное мышление, преклонение перед Западом и ненависть к России и всему русскому. Но теперь эта ненависть поднялась на новый концептуальный уровень, отразившись в общественной жизни в виде коллективной русофобии. Но это была не бытовая русофобия, это была целая система историко-философских взглядов, обосновывавших необходимость разрушения России и ликвидации того исторического недоразумения, каковым по их мнению являлся русский народ.

Наиболее ярко эту ненависть выразил «великий русский» поэт, Нобелевский лауреат Иосиф Бродский, в 1972 году нарисовавший такую вот картину своей бывшей Родины:

Холуй смеется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.
То вид отечества: гравюра,
На лежаке солдат и дура.
Старуха чешет мертвый бок.
То вид отечества: лубок.
Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей — куча на полу....

Не отставали от поэтов и публицисты. Так Синявский, оплакивая судьбу эмигрантов новой волны, в 1973 году писал: Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное

потом на помойку, с позором — дитя!..». Но ненависть к России, выраженная в стихах Бродского, ценна для исследователя именно своей искренностью, отсутствием политической составляющей, какого-либо стремления конвертировать ее в материальные блага на Западе, столь свойственное эмигрантам-диссидентам.

Бродский был настоящим поэтом. Он не был замечен ни в каких диссидентских движениях. И за «бугром» он не работал в пропагандистских организациях, не выступал с громкими заявлениями, занимаясь только поэзией. Поразительно, но Бродский, не осиливший даже восьмилетки, сразу после высылки за рубеж был принят на должность профессора в Мичиганский университет и проработал в этой должности в различных университетах всю оставшуюся жизнь. Поэтому его истинные чувства, выраженные в стихах, могут служить объективным свидетельством той атмосферы, в которой воспитывалось молодое поколение новой российской интеллигенции.

Преклонение перед Западом наиболее ярко проявлялось именно в молодежной интеллигентской среде, особенно столичной, где в конце 60-х возникло массовое движение «чуваков»³, для которых все остальные жители СССР являлись «совками». Провинция ответила на это презрительным «чмо»⁴.

Слово «чувак» имело западноевропейскую этимологию, в некоторых вариантах означавшее «гопник». Построенная же на нем советскими интеллигентными гопниками гордая аббревиатура с «великой американской культурой» во главе в стране Пушкина, Толстого и Достоевского выглядела довольно смешно и лишь подчеркивала интеллектуальный уровень ее носителей.

И все же Советский Союз рухнул, прежде всего, потому, что антисистема сгнила изнутри. Когда на смену идейным старцам пришли алчные и беспринципные «комсомольцы», судьба социализма была предрешена. Для ци-

³ - ЧУВАК – человек, уважающий великую американскую культуру.

⁴ - ЧМО – человек Московской области.

ничных и безыдейных представителей номенклатуры новой волны права на безраздельное, но опосредованное распоряжение всеми национальными богатствами было уже мало. Они возжаждали права владения и передачи по наследству, то есть реальной частной собственности. Наиболее ярко это пере рождение партноменклатуры показано в повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба» (1985 год).

Холодная война завершилась полным поражением СССР. Особенно в области экономики. Собственно капиталистические отношения в виде подпольного движения «цеховиков» стали возникать явочным порядком еще задолго до падения социалистической системы. К середине 80-х оно приобрело столь массовый характер, что без него экономика уже не могла функционировать. Этому способствовало и разложение органов внутренних дел, начавшееся при Щелокове и Чурбанове⁵, и массовое внедрение в их ряды представителей криминального мира. Только КГБ еще продолжал стоять на страже, но после смерти Андропова и он стал терять свою монолитность.

Основная же масса населения испытывала серьезное раздражение и усталость от тотального дефицита и постоянной лжи, в которую уже никто не верил. Технологическое отставание в гражданских отраслях превратилось в пропасть. Полный развал сельского хозяйства и легкой промышленности привел к тому, что СССР теперь полностью зависел от импорта продовольствия и ширпотреба. Деньги на покрытие импорта поступали от экспорта нефти, и с каждым годом их требовалось все больше.

В этих условиях система стала крайне уязвима, и шеф ЦРУ Уильям Кейси положил на стол президенту Рональду Рейгану план по уничтожению «Империи зла» и разрушению Восточного блока, состоявший из четырех пунктов: обрушения цен на нефть, вооружения моджахедов в Афганистане, финансирования польской «Солидарности» и втягивания СССР в непосильную гонку вооружений, используя «блеф» плана СОИ⁶. И надо признать, что

⁵ Щелоков – министр внутренних дел (1968-1982), Чурбанов – его заместитель и зять Брежнева.

⁶ СОИ – стратегическая оборонная инициатива. Планы развертывания в космосе средств перехвата баллистических ракет СССР.

планы эти осуществлялись достаточно успешно. Советский Союз нес тяжелые потери в Афганистане, гигантские оборонные расходы добивали экономику. Но самым страшным ударом стал обвал нефтяных цен, которого американцам удалось добиться, заставив Саудовскую Аравию выбросить на рынок колоссальный объем черного золота.

Лихорадочные попытки Горбачева спасти коммунистическую империю с помощью «перестройки», «гласности» и «нового мышления» уперлись в 8 долларов за баррель. Прилавки и полки магазинов опустели. В бесконечных очередях, в драках за кусок колбасы и бутылку водки «новое мышление» выработать не удалось. Новое руководство в сложившихся условиях не смогло, да и не могло найти достойный выход из столь тяжелой ситуации.

Страшная Чернобыльская авария 1986 года, в основе которой лежал человеческий фактор, и Матиас Руст, приземлившийся на Красной площади в 1987 году, лишь окончательно подчеркнули нежизнеспособность существующего порядка вещей.

Но, не смотря ни на что, каркас тоталитарной системы все еще держался. Хищная и беспринципная партноменклатура, уже приготовившаяся к дежке социалистического пирога, сама не могла решиться на слом социализма. Да и республиканские элиты, уже готовые разорвать Советскую империю, все еще испытывали страх перед всеильным КГБ.

В высшем политическом руководстве возникло три течения. «Твердобых» марксистов, надеявшихся как-то сохранить существующий порядок вещей, возглавил Егор Лигачев. Партийных реформаторов, жаждавших серьезных преобразований под контролем КПСС объединял Михаил Горбачев. И, наконец, тех, кто мечтал полностью разрушить коммунистическую идеологию, по иронии судьбы возглавил заведующий идеологическим отделом ЦК Александр Яковлев.

Как вспоминал позже «главный идеолог» страны: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами

совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

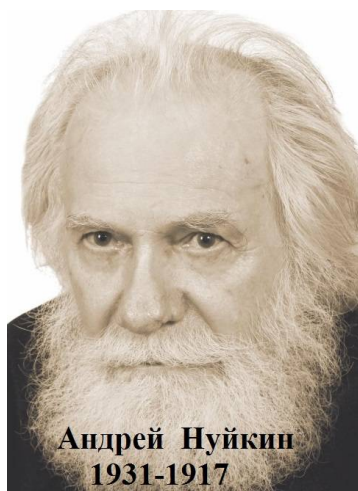
Стремление Яковлева разрушить антисистему весьма похвально. Но, к сожалению, вместе с ней он мечтал и о разрушении своей страны. Как вспоминал бывший председатель КГБ Владимир Крючков: «Я ни разу не слышал от Яковлева тёплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне... Видимо, стремление разрушать, развенчивать всё и вся брало верх... над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу. И ещё — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало».

Таким образом можно сделать вывод, что Александр Яковлев, безусловно, являлся истинным интеллигентом. И даже такой тонкий и придирчивый знаток интеллигентности, как профессор Соколов, не отказал ему в этом праве. А уж был ли он агентом влияния, завербованным ЦРУ, масоном или просто настоящим интеллигентом, теперь не так уж и важно.

И все же, чтобы система окончательно рухнула, ее нужно было немного подтолкнуть. В качестве тарана Яковлев и компания решили использовать наиболее организованный отряд, каковым к концу 80-х годов являлась западная интеллигенция. Начиная с 1987 года, сразу же после объявления политики «гласности», властителями народных дум стали публицисты. Началось с аналитических публикаций таких известных ученых, как Николай Шмелев, Андроник Мигранян и других. Но вскоре инициативу перехватили публицисты-интеллигенты, такие как философ Юрий Карякин, писатель Андрей Нуйкин, экономист Станислав Шаталин, историк Юрий Афанасьев,

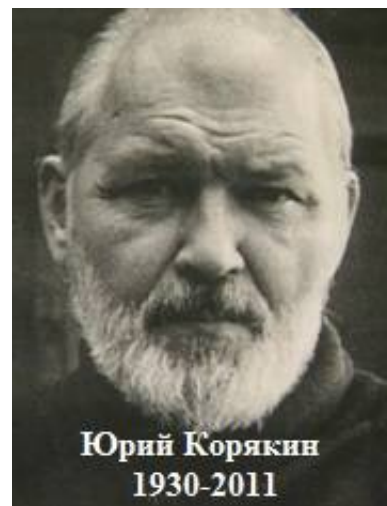
журналист Василий Селюнин, экономист Гавриил Попов, юрист Анатолий Собчак. Они всю «вскрывали» и «бичевали» недостатки, но истинный смысл их действий раскрыл тогда еще молодому будущему Премьеру Украины Николаю Азарову академик Шаталин, заявив ему на одной из

Андрей Нуйкин
1931-1917

встреч с общественностью: «Молодой человек, разве вы не видите, что говорите с “быдлом”? Им надо говорить очень примитивные вещи, чтобы они их проглатывали и поддерживали нас, иначе мы никакой перестройки не сделаем и этот idiotский строй не сломаем...».

В 1987 году из ссылки был возвращен Сахаров, который получил полную свободу своей деятельности. После триумфального турне по США и Европе, академик почувствовал себя способным на великие дела и разродился проектом новой Конституции СССР, в котором чувствовалась рука его «мозгового центра» и который вызвал полный восторг у западной интеллигенции. Даже если оставить в стороне такие замечательные конституционные нормы, как: «счастливая, полная смысла жизнь» или «никто не должен жить в нищете», то все равно в ней содержится ряд поистине революционных положений. Самое главное – Сахаров объявляет суверенными не только республики, но и любые национальные образования, вплоть до национальных округов. При этом все они получали право выхода, полную экономическую самостоятельность и даже собственную валюту, а также собственную систему правоохранительных органов. А ненавистная всеми истинным интеллигентам Россия еще и расчленялась на четыре самостоятель-

Юрий Корякин
1930-2011

1934 1997
Станислав Шаталин

ных экономических района.

Не забыл он вписать и любимую конвергенцию, конечной целью которой по Конституции должно было стать Мировое правительство. И при этом объявлялся приоритет международных законов над Союзными.

Нетрудно представить, чтобы осталось бы от России, если этот план реализовать. Несколько перефразируя Ивана Аксакова можно сказать: «тысячу лет русский народ создавал свое великое государство, потом и кровью слагал его», чтобы какой-то облезлый гений несколькими росчерками пера не оставил от него камня на камне.

После объявления «гласности» демократическая публицистика в кратчайшие сроки разнесла коммунистическую идеологию в прах. А без нее антисистема повисла в воздухе, и дни ее были уже сочтены. Таким образом, можно сказать, что коммунистический режим рухнул в силу естественных причин и некоторого внешнего воздействия, лишь ускорившего его падение.

Но проблема в том, что КПСС, и здесь мы должны сказать большое спасибо Ильичу, была единственным фактором, скреплявшим СССР. Ленин, победив Сталина в полемике по национальному вопросу, сделал все возможное, чтобы коммунистическая империя могла существовать только в условиях безраздельного господства компартии. К тому же вождь мирового пролетариата при создании СССР сознательно заложил мины замедленного действия, присоединив Абхазию к Грузии, Нагорный Карабах к Азербайджану, Донецко-Криворожскую республику к Украине. И следующие вожди только усугубляли ситуацию. Сталин объединил Приднестровье с Бессарабией в Молдавскую ССР, многочисленными высылками целых народов усилил межэтническую напряженность. Хрущев тоже внес свой вклад, присоединив к Украине Крым. И когда решением Съезда народных депутатов в 1990 году была отменена монополия КПСС, эти мины рванули, вызвав цепь кровавых межэтнических конфликтов. И в том же году, в полном соответствии с положениями «сахаровской» Конституции, начался «парад суверенитетов» союзных республик, к которому присоединились и некоторые автономные (Татар-

стан, Карелия, Чечня, Абхазия, Аджария, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Нахичевань, Приднестровье, Крым и Гагаузия). А вслед за этим начался и процесс выхода союзных республик из состава СССР, где пионерами естественно стали прибалты.

Поэтому обвинение Горбачева в развале СССР не совсем корректно. Также как и в сдаче Варшавского договора. Практически стоя на коленях и выклянчивая «политические» кредиты для поддержания все возраставшего импорта, он вряд ли мог диктовать свои условия. Но Горбачев, безусловно, мог выторговать более выгодные условия объединения Германии, используя активное противодействие этому Франции и Великобритании, а также сдачи своих восточных сателлитов и вывода советских войск. Мог хотя бы потребовать достойную компенсацию за оставляемую в Германии огромную инфраструктуру и не начинать вывод войск в никуда.

Но последний Генсек страдал «нарциссизмом». Вспоминая крылатую фразу Василия Розанова, можно сказать, что купавшийся в западных комплиментах наш Нобелевский лауреат готов был «разорвать на клоки Россию, и раздать эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы». Поэтому он даже не удосужился получить письменные подтверждения обещаний не расширять НАТО на восток.

Опьяненный обожанием, которое демонстрировала западная пресса к человеку, сдавшему за просто так Варшавский блок, Горбачев считал, что и в своей стране он пользуется огромной популярностью. Поэтому, понимая, что коммунистическую антисистему уже не спасти, он решил сохранить власть, став не партийным вождем, а легитимным руководителем государства.

Поначалу все шло по его сценарию. В феврале 1990 года на пленуме ЦК Горбачев и Яковлев продавила решение об отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС и введении поста Президента СССР, и вскоре III съезд народных депутатов избрал Горбачева Президентом. После чего почти 16 млн. коммунистов как корова языком слизала. Это еще раз показало, что коммунистическая антисистема умерла задолго до ее ликвидации, со-

храня только тоталитарный скелет.

Казалось, что Горбачев мог торжествовать. Но после потери партией монополии на власть предотвратить распад СССР было уже невозможно. Не помог и всесоюзный референдум, на котором 74% населения проголосовало за сохранение Союза. И вскоре наш незадачливый Президент остался у разбитого корыта. Но здесь вина Горбачева состоит в том, что он мог минимизировать негативные последствия процесса распада, но ничего для этого не сделал. В сентябре 1991 года, вопреки еще действующей Конституции, руководимый им Госсовет подписал согласие на выход Прибалтийских республик из СССР без проведения референдумов и процедур согласования условий выхода. После этого заместитель Генерального прокурора СССР Виктор Илюхин даже возбудил против Горбачева дело о государственной измене. Правда, через два дня сам был уволен из органов.

Непосредственным же виновником и ускорителем развала СССР стал Борис Ельцин. Он был, безусловно, харизматической личностью, обуреваемой жадной властью, но ограниченной и бездарной. Но именно Горбачев, сам того не желая, подвергнув Ельцина опале, сделал из обычного номенклатурщика народного заступника (у нас всегда обожали «пострадавших» и «претерпевших»). И после смерти Сахарова западная интеллигенция сделала на него основную ставку, обеспечив его избрание Президентом РСФСР в 1991 году. И именно Ельцин в жестокой схватке с Горбачевым за власть, Беловежским соглашением окончательно добил издыхающий Союз.

Большинство диссидентов-эмигрантов в бурных событиях перестройки активного участия не принимали. Многие из них уже привыкли к сытой и спокойной жизни за границей, обросли «революционным жирком» и окутаться в гущу революционных событий особым желанием не горели. Да и из местных диссидентов только Сахаров и Новодворская, да еще менее известные: Лев Убожко, Александр Скобов и Андрей Деревянкин, продолжали играть заметную роль в перестроечный период. Зато на первый план вышли «неформалы», хотя и руководимые теми же диссидентами.

Неформальные движения начали стремительно возникать сразу же после смягчения тоталитарного режима. Очень скоро из них стали формироваться протопартии – зачатки будущих партий. В 1988 году путем скрещивания

«бульдога» с «носорогом», стараниями Новодворской была создана первая в СССР оппозиционная партия «Демократический союз», целью которой был провозглашено изменение существующего строя. В нее вошли такие разношерстные неформальные организации, как: «Демократия и гуманизм», которую, помимо Новодворской, представляла

Евгения Дебрянская, будущий создатель либертарианской партии и лидер ЛГБТ сообщества России; либеральные демократы Владимира Жириновского; сторонники еврокоммунизма; социал-демократы Скобова; демохристиане Деревянкина; консерваторы Убожко. Объединяла все эти разношерстные силы только идея восприятия западных ценностей. Среди известных диссидентов членом этой партии, помимо самой Новодворской, стал художник Юлий Рыбаков.

Естественно, вскоре от «Демократического союза» отпочковалось несколько партий, но среди всех этих политических start-up-ов, успешным оказался только проект Жириновского, принесший его лидеру безбедное существование и славу всероссийского политического клоуна.

На I Съезде народных депутатов, состоявшемся в 1989 году, на фоне массовых забастовок шахтеров Донбасса и Кузбасса, возникла Межрегиональная депутатская группа, объединившая не номенклатурных депутатов. Ее сопредседателями стали Сахаров, Афанасьев, Попов, Ельцин, а в координацион-

ный совет вошли такие известные личности, как Собчак, Корякин, историк Сергей Станкевич, инженер Юрий Болдырев, публицист Юрий Черниченко и серый кардинал ельцинской клики Геннадий Бурбулис. Формальным лидером группы был назван Ельцин, но реальным – ее фактический организатор Гавриил Попов. Фактически эта группа стала первым политическим объединением интеллигенции.

1954
Сергей Станкевич

1945
Геннадий Бурбулис

ским объединением интеллигенции.

С началом перестройки оживились и масоны – ну куда же без них! Они также решили «положить свой камень в строительство демократии в России». Хотя, в отличие от 1917 года, теперь они действовали в основном не прямо, а опосредованно, через многочисленные около масонские фонды и организации.

Не будем тратить время на обсуждение вопроса – были ли масонами сами Горбачев или Яковлев, засветившиеся на прямых контактах с Трехсторонней комиссией Рокфеллера, но уже в 1987 году не к ночи помянутый Джордж Сорос основал Фонд «Сорос – Советский союз», носивший ярко выраженный антирусский характер. Среди его активистов можно отметить Афанасьева, редактора журнала «Знамя» Георгия Бакланова и разрушителя русской деревни, академика Татьяну Заславскую. Через этот фонд началось финансирование газет и журналов, образовательных программ и даже учебников истории, издаваемых в СССР. Публицисты этих изданий во главе с идеологическое Баклановым обеспечивали только тоталитарной прикрытие разрушения не империи, пресекая системы, но и Российской империи, пресекая малейшее проявление русского национального самосознания. Даже писатели-деревенщники, такие как Белов, Распутин и Астафьев объявлялись «демо-

1923 2009
Григорий Бакланов

Татьяну Заславскую.
финансирование образовательных истории, издаваемых изданий во главе с идеологическое только тоталитарной империи, пресекая

кратической» прессой националистами и чуть ли не фашистами.

И надо признать, их работа была весьма успешной. Эксплуатируя всеобщее недовольство населения сгнившей коммунистической антисистемой, революционной интеллигенции на некоторое время удалось навязать свои взгляды не только рядовым представителям своего социального слоя: культработникам, преподавателям, врачам, инженерам, ученым, но и практически всему интеллектуальному слою СССР.

В 1988 году по просьбе Генри Киссинджера Горбачев дал разрешение на открытие в СССР лож еврейского масонского ордена «Бней Брит». С 1989 года началась открытая вербовка граждан СССР в масонские ложи. Первой свою контактную информацию для советских граждан предоставила парижская русская ложа «Александр Пушкин». Хотя политическое масонство в лице «Великого Востока Франции», в отличие от событий первой русской революции, существенного участия в Перестройке не принимало, но все же отметились созданием в России в 1991 году своей ложи.

Зато в конце перестройки в России появились различные около масонские организации и структуры, такие как Ротари-интернейшенал, открывший в 1990 году при непосредственном участии Горбачева ряд Ротари-клубов в Москве и других городах. Также, помимо Сороса, было отмечено нашествие других многочисленных фондов, вроде фонда Карнеги.

Начиная с 1990 года Фонд Сороса финансировал стажировки за границей и участие в различных конференциях членов команды будущих реформаторов. Сама же команда начала формироваться еще в начале 80-х годов на стажировках в Международном институте прикладного системного анализа в Вене и его советском филиале – Всесоюзном НИИ системных исследований, а также на ежегодных конференциях молодых экономистов Ленинграда и Москвы, где обсуждались пути реформирования советской экономики. Ленинградскую группу возглавлял Анатолий Чубайс, а московскую – Егор Гайдар. На более узких, закрытых встречах в рамках этих конференций и сформировалась та самая пресловутая команда.

Команда Гайдара на конференции в Альпбахе (Австрия, 1991 год): Александр Шохин, Петр Авен, Андрей Нечаев, Алексей Улюкаев, Анатолий Чубайс, Владимир Машиц, Сергей Глазьев

Противовесом команде Гайдара выступал Григорий Явлинский со своей программой «500 дней». Оба они были очень амбициозны, оба считали только себя носителями экономической истины и мягко говоря, сильно недолюбливали друг друга.

Гайдар работал в союзных структурах Горбачева, а Явлинский разрабатывал свою

программу в недрах правительства РСФСР. Казалось бы, возглавить эконо-

мические реформы в России Ельцин должен был назначить Явлинского с его готовой программой. Но Григорий Алексеевич сделал ставку не на ту «лошадь». После подавления ГКЧП он продолжал поддерживать Союз и Горбачева.

Но тот уже был отработанным материалом. Выполнив задачу по уничтожению тоталитарной антисистемы, Горбачев больше был не нужен западным кураторам. Ставка в разрушении Российской империи была сделана на новоиспеченного рыцаря Мальтийского Ордена Бориса Ельцина. Хотя и Михаил Сергеевич не был совсем забыт. В России ему и его семье были ос-

тавлены многие привилегии, а за заслуги перед «буржуинами» ему в кормление был пожалован персональный фондик.

Гайдар же после разгрома ГКЧП открыто встал на сторону Ельцина. В дни августовского путча члены его команды: Чубайс, Шохин, Авен, Улюкаев, Глазьев подписали по итогам своей поездки в Вену «Альпбахскую декларацию», главной мыслью которой стала неизбежность разрушения СССР. Поэтому именно Гайдар и его команда, по рекомендации Бурбулиса, вошли в правительство Ельцина.

Казалось бы, российская интеллигенция достигла победы. Ее представители возглавили правительство России. Мэрами крупнейших российских городов также стали интеллигенты:

Москвы – Попов; Ленинграда – Собчак, Горького – Борис Немцов.

Интеллигенция торжествовала. Ненавистный тоталитарный режим пал. Его цепной пес – КГБ СССР уничтожен. Советская империя развалилась. На очереди была Россия, вопрос разрушения которой казался уже решенным. А там уже брезжили братские объятия милой сердцу каждого истинно-

го интеллигента Западной цивилизации.

Но всеобщая эйфория сменилась суровыми буднями, когда от разрушения нужно было переходить к созиданию. Но, как и в феврале 1917 года, интеллигенция продемонстрировала свою полную неспособность к управлению страной и вообще к какой либо практической работе. К тому же она забыла, что за Февралем всегда наступает Октябрь, за которым следует расплата за все содеянное.

